

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ З. БАГРИНКОГО, А. БОЛОТНИКОВА, М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕВЯНОВСКОГО, И СЕЛЫНСКОГО, М. СУББОКОГО, М. СЕВЕРЯКОВА, М. ЧАРНОГО, Е. УСНЕВИЧ.

№ 71 (387)

6 ИЮНЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

* ВЧЕРА В ДОМЕ ПЕЧАТИ ОТКРЫЛОСЬ ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ОЧЕРНИКОВ, НА КОТОРОМ БЫЛИ ЗАСЛУШАНЫ ДОКЛАДЫ Г. С ТРЕТЬЯКОВА ОБ ЭВОЛЮЦИИ СОВЕТСКОГО ОЧЕРКА И В. ШКЛОВСКОГО О СЮЖЕТЕ И ЯЗЫКЕ ОЧЕРКА.

* ЭНГЕЛЬС, 5 июня. (По телеграфу от наш. корр.). В Энгельс приехал известный германский пролетарский писатель ФРИДРИХ ВОЛЬФ. Состоится дружеская встреча с писателями Непреспублики. Сегодня Вольф выезжает в нантоны для ознакомления с колхозами, совхозами и МТС.

Дневник Литературной газеты

6 ИЮНЯ Вечером социалистическая Москва встречала славного руководителя героической экспедиции челюскинцев отважного командарма — Отто Юльевича Шмидта. Тысячи трудящихся приветствовали г. Шмидта с момента, когда он вступил на советскую землю в Негорелов, и до самой Москвы, где был апофеоз этой встречи, радостной и любовной...

Освободить Пушкина от алокративной коросты, образовавшейся в результате дружных усилий нескольких десятков толкователей и провидцев, восстановить его реальный, исторически существовавший облик — этим должна начаться наша борьба за Пушкина. У нас до сих пор еще чрезвычайно сильны механистические тенденции в отношении к идеологическому наследию прошлого, в частности к наследию художественному. Вопрос о ценности того или иного идеологического явления прошлого с точки зрения современности сводится у нас часто к вопросу о его «соответствии» или «несоответствии» этой современности. «Созвучность» же понимается как прямое и непосредственное идеологическое родство.

В этом корень весьма широко распространенных попыток наивно револуционизировать Пушкина, превращения его в последовательного и непримиримого якобинца, даже (у наиболее ретивых сторонников этой тенденции) в идеолога крестьянской демократии, чуть ли не в Чернышевского в стихах.

Борьба с этими механистическими уклонами надо начать не менее решительно, чем со всякими попытками метафизики Пушкина, а пожалуй, и более решительно, ибо своей видимой стопроцентностью они привлекают очень и очень многих.

Наш Пушкин есть Пушкин подлинный, исторически существовавший. И обращаясь к Пушкину, мы ни в какой мере не должны закрывать глаза ни на те элементы политической реакционности, удельный вес которых в его идеологической практике значителен, ни на консервативность его многих суждений о «деле литературы».

Не должны, ибо за вычетом всего этого в пушкинском наследии остается много того, что может быть использовано нами в нашем строительстве в области художественной культуры. Остается, прежде всего, его громадная непреодолимая эстетическая культура, то, что у нас обозначается несколько общим и расплывчатым понятием «мастерства». Остается техника работы над материальным жизненной действительности. Остается систематическая последовательная борьба за мировоззрение в литературной работе, постоянное стремление к максимальному расширению и углублению своего идеологического багажа.

И не только это. Мы боремся сейчас за реалистическое искусство победоносного пролетариата, за искусство социалистического реализма. При всей чуждости реалистических тенденций пушкинского творчества, при всей их несоразмерности с установками нашей борьбы за реализм в искусстве разве они не представляют самого благодарного материала для творческого изучения? В известном смысле, может быть, даже более благодарного, чем реалистические тенденции писателей второй половины века, представителей радикально-демократического лагеря, народников, например. Ибо (в противовес критическому реализму последних) в основе пушкинского реализма лежит нафос творческого утверждения действительности.

Мы по-новому переосмысливаем сейчас Шекспира, проблема «шекспиризации» — одна из наиболее острых и дискуссионных проблем нашей драматургической практики. Разве в свете этой проблемы для нас не отмечен знаком самой высокой актуальности пушкинская борьба за создание шекспировской народной трагедии?

Готовиться к юбилею 1937 г. мы должны с четким осознанным убеждением: Пушкин жив, пушкинское наследие органически входит в сферу наших сегодняшних литературных задач. Чем жив и как жив — эти вопросы и должны определять содержание всей преобладающей работы.

В истории этой борьбы, как в зеркале, отражается вся история русского буржуазного общественного сознания, история его возникновения, роста и распада.

Мы видим, как образ Пушкина, созданный либерально-демократической критикой 70-х годов, образ Пушкина-либерала, носителя гражданских, просветительских идеалов, постепенно тускнеет и блекнет, как его место занимает образ Пушкина-эстета, жреца чистого искусства, в своей апологической бесстрастности стоящего высоко над тревогами и требованиями земной действительности. Мы видим, как этот апологический образ дает первые чуть заметные трещины, как эти трещины увеличиваются и углубляются и как айхенвальдовского кристаллически ясного Пушкина сменяет Пушкин мерзавско-гершензонский, несущий в своих творениях древнюю гераклитовскую мудрость, верующий в огонь как начало всякой жизни, Пушкин-тайновидец и тайнописец, читать которого можно только с увеличительным стеклом в руках.

Привет товарищу Шмидту — славному руководителю челюскинцев!

Фото А. Шайхета

Привет писателям страны советов

Негорелов — Москва 5 июня 1934 года

Беседа с тов. О. Ю. Шмидтом

По дороге в Москву т. О. Ю. Шмидт беседовал с корреспондентом «Литературной газеты». — С чувством гордости, — сказал Отто Юльевич, — я подсаживаю к полетарской столице. Советские газеты, просматривая мною, рассказали, с каким напряженным вниманием и большой любовью следили трудящиеся страны социалистических советов за походом «Челюскина» и жизнью лагеря во льдах.

Гордость вызывает во мне сознание, что несмотря на катастрофу, несмотря на трагическое положение, в котором мы очутились, продолжалась научная работа, на льдине собирались материалы, и я смогу сделать правительству доклад о порученных нам заданиях.

Гордость вызывает во мне сознание, что нам удалось в невиданных условиях арктической катастрофы создать самый большой город, который когда-либо видели полярные моря, и обеспечить в нем организованную, дисциплинированную жизнь советского коллектива.

Не помню этой в известной степени хроникально-документальной работы истории похода «Челюскина» должна быть отражена в художественных произведениях.

Конец кругосветного путешествия

До Москвы осталось два часа пути. Позади последняя остановка — Можайск, где Отто Юльевич произнес теплую речь с площадки вагона.

Временами казалось, что крыло самолета заденет окно, из которого наблюдал за полетом Отто Юльевич... Промелькнули дачные поселки, домик диспетчера, семафоры. Москва.

Столица встречает поезд громовым ура. Около последнего вагона экспресса стоят гг. Куйбышев, Уншлихт, Алексис, Крестинский, Шверник, Эйдеман, Карахан и др. Высокий, слегка похуевший Отто Юльевич прижимает к груди большой букет роз.

На красном ковре, положенному вдоль всего перрона, Отто Юльевич проходит мимо почетного караула. Здесь пехота и артиллерия, моряки и белые кителя летчиков, курсанты военных школ и отряд ударников-осовиахаживцев. Начальник почетного караула т. Орест рапортует т. Шмидту.

Фото А. Шайхета

Советская общественность Белоруссии отметила на днях ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ театральной работы Льва Марковича ЛИТВИНОВА, художественного руководителя Первого Белорусского государственного театра. Совнарком БССР присвоил т. Литвинову звание заслуженного артиста республики.

ПРИЕМ В СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

На заседании комиссии по приему в ССП СССР 1 июня приняты в союз писателей следующие товарищи: Людвиг С., Бехер И., Сослани Шалава, Алтаева М., Колосов М., Кин В., Эйдеман Р., Шенгели Г., Земневич М., Шестаков Н., Зархи Н., Шаповаленко Н. Лернер Н., Марков И., Блом

В. Баллаш Б. Маттерн Э., Филиппенко И. На заседании 4 июня приняты следующие товарищи: Мирский Д., Шваркин В., Коваленко В., Петровский Д., Адалис А., Карпов М., Лифшиц М., Верховский Ю.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ОРГКОМИТЕТА ССП

Комиссия прекращает прием в члены союза 15 июня: а) впредь до окончания работ в комиссии разбор апелляций не производить;

б) провести разбор апелляций с 15 по 20 июня; в) после с'езда прием в союз будет производить правление союза советских писателей.

Узбекистан

ТАШКЕНТ. (Наш корр.). В Узбекистане начал прием в союз писателей. Комиссия в первый день работы рассмотрела двадцать заявлений. Приняты следующие товарищи: поэты Гафур Гулям, Хасан Пулат, драматурги Фатхуллин, Анкабай и другие.

Белоруссия

МИНСК. 3. (От нашего специального корреспондента). На днях закончила свою работу комиссия по приему в члены союза советских писателей Белоруссии.

Крым

СИМФЕРОПОЛЬ. (Наш корр.). Присутствовала к работе комиссия по рекомендации в члены союза советских писателей. Комиссия рассмотрела 32 заявления.

Украина

ХАРЬКОВ. (Наш корр.). На очередном заседании комиссии по приему в члены союза приняты в союз писателей следующие товарищи: Б. Коваленко, П. Ушаков, В. Владко, Л. Катюра, М. Гыльский, Л. Сماعيلев, А. Абутик, Макс Эрик, Дм. Урин, Ноах Лурия, А. Визько, В. Охременко, Г. Шкурский, Г. Яковенко, И. Кипиш, Л. Ризник, П. Колесник, Я. Савченко, И. Дубинский, Юр. Смолич, А. Беворко.

НАКАНУНЕ С'ЕЗДА

Без достаточной подготовки

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Ленинградском доме партактива состоялось совещание, посвященное подготовке к всесоюзному с'езду советских писателей. Совещание собрало около ста партактивцев. С чтением своего произведения выступили А. Прокофьев, А. Гитович и Н. Браун. Участники совещания подчеркнули необходимость усиления повседневной связи писателей с партактивом, работающим на разных участках социалистической стройки.

Смотр литературного Магнитогорска

МАГНИТОГОРСК. (По телеграфу). В порядке подготовки к всесоюзному с'езду проводится три читательских конференций и беседы в бараках, творческий смотр всех литекружков. В кабинете рабочего-автора организуется проработку беседы А. М. Горького с молодыми и статей о языке. Включается в работу по созданию истории Магнитогорского завода. В июне проводится конференция рабочих-авторов по созданию истории завода. При содействии горпрофсовета будут организованы три литекружка в ведущих цехах, организуется объединение рабочих-авторов.

Партактив Москвы — с'езду писателей

3 июня состоялось собрание партактива Дзержинского района, посвященное подготовке к всесоюзному с'езду писателей. Доклад о советской литературе и задачах предстоящего с'езда сделал А. Фадеев.

Смотр литературного Магнитогорска

МАГНИТОГОРСК. (По телеграфу). В порядке подготовки к всесоюзному с'езду проводится три читательских конференций и беседы в бараках, творческий смотр всех литекружков. В кабинете рабочего-автора организуется проработку беседы А. М. Горького с молодыми и статей о языке. Включается в работу по созданию истории Магнитогорского завода. В июне проводится конференция рабочих-авторов по созданию истории завода. При содействии горпрофсовета будут организованы три литекружка в ведущих цехах, организуется объединение рабочих-авторов.

Партактив Москвы — с'езду писателей

3 июня состоялось собрание партактива Дзержинского района, посвященное подготовке к всесоюзному с'езду писателей. Доклад о советской литературе и задачах предстоящего с'езда сделал А. Фадеев.

Смотр литературного Магнитогорска

МАГНИТОГОРСК. (По телеграфу). В порядке подготовки к всесоюзному с'езду проводится три читательских конференций и беседы в бараках, творческий смотр всех литекружков. В кабинете рабочего-автора организуется проработку беседы А. М. Горького с молодыми и статей о языке. Включается в работу по созданию истории Магнитогорского завода. В июне проводится конференция рабочих-авторов по созданию истории завода. При содействии горпрофсовета будут организованы три литекружка в ведущих цехах, организуется объединение рабочих-авторов.

Партактив Москвы — с'езду писателей

3 июня состоялось собрание партактива Дзержинского района, посвященное подготовке к всесоюзному с'езду писателей. Доклад о советской литературе и задачах предстоящего с'езда сделал А. Фадеев.

Смотр литературного Магнитогорска

МАГНИТОГОРСК. (По телеграфу). В порядке подготовки к всесоюзному с'езду проводится три читательских конференций и беседы в бараках, творческий смотр всех литекружков. В кабинете рабочего-автора организуется проработку беседы А. М. Горького с молодыми и статей о языке. Включается в работу по созданию истории Магнитогорского завода. В июне проводится конференция рабочих-авторов по созданию истории завода. При содействии горпрофсовета будут организованы три литекружка в ведущих цехах, организуется объединение рабочих-авторов.

Рабочие-авторы: Ударов, Осипов, Пулатов, Чарников, Чернявский, Айдаров, Горюнов, Панфилов, Бороскина, Севостянов.

САМАЯ ТРУДНАЯ ПОБЕДА

Роман Эренбурга «День второй» с большой художественной силой показывает, как на социалистической стройке перерабатывается и перекраивается масса трудящихся, как она растет и поднимается к самостоятельному творческому участию в новых формах общественной жизни. Творчество Эренбурга определяет содержание книги: рождение нового, социалистического человека, возникновение новых социальных отношений. Эренбург показывает этот процесс в превращениях, через которые проходит радужная представительница масс: рабочий-ударник, «обыкновенный» комсомолец, вчерашняя колхозница, уборщица, мажорантский мостовщик, учительница, сын кулака, только что оторвавшийся от кочевой быта казак и т. д. Эренбург впервые берет за эту тему. И она открывает писателю новый обширный источник, откуда он полными приростами черпает богатейший материал для своего творчества. Эта тема придает новую силу мастерству Эренбурга. «День второй» — выше, значительнее, полноценнее всего, что было написано Эренбургом раньше. И это неудивительно, потому что здесь художник получил зарядку непосредственно от великого исторического действия.

Денин считал праздниками истории революционные эпохи, «когда массы сами, со всей своей действительной решительностью начинают творить историю, воплощая в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории». Вслед за Марком Денин измерял силу и глубину всякого исторического действия степенью участия в нем массы. Опыт нашей революции — от октябрьских боев 1917 года до сегодняшнего дня — служит в этом отношении замечательным примером. С каждым шагом революции вперед, с каждым новым этапом строительства социализма историческое творчество масс становится все более широким и богатым, все более смелым, ярким и сознательным. Оно приобретает невиданный размах в годы первой пятилетки, когда идет джонка векового уклада в деревне, когда великий полем захватывает всю страну, находят свое выражение в «шафосе строительства». В движение приходят самые широкие и самые глубокие пласты народной массы. Самые отсталые слои трудящихся пробуждаются от застоия и неподвижности. На арене исторического действия выступают уже десятки миллионов. Огромные массы людей, которые впервые начинают творить историю своими руками, не ушли еще полностью из-под власти своего прошлого: их еще тянут назад привычки, предрассудки и темнота их вчерашнего дня. Их отсталость старается использовать классовый враг, сопротивляющийся из последних сил победе социализма. Этими силами прошлого питается мелкобуржуазная интуиция, сопровождающая движение масс, особенно в начальный период его бурного подъема. Но движением руководит рабочий класс через свою партию — партию Ленина-Сталина. Железная воля партии, пролетарская сознательность, организованность и дисциплина начинают себе стилию массового движения и направляют его в берега социалистического строительства. В этих условиях историческая интуиция масс становится исключительно деятельной и плодотворной; она рвется навстречу всем догмам партии и ее великого вождя Сталина: она делает из вчерашних еще незаметных «серых» людей изумительных героев социалистической стройки: она выдвигает из самой толпы масс десятки и сотни тысяч новых, знаменитых, по замечательному определению тов. Сталина, людей, она дает такое ускорение всему движению, такие темпы, равных которым не знало еще человечество. Эта кипучая энергия масс, организованная и направляемая мудрой политикой и стальной волей на-

шей партия, превратила первую пятилетку в подлинный праздник истории. Труднейшие задачи пролетарской революции: ликвидация капиталистических элементов, прочная победа колхозного строя, индустриализация страны, построение фундамента социалистической экономики — были разрешены в несравненно короткий срок. Поднявшаяся на пятнадцатый год страна стоит перед собой в качестве практической задачи ближайших лет осуществление конечной цели пролетарской революции: построение бесклассового общества.

Эта титаническая работа, проделанная первой пятилеткой, еще очень бледно и слабо отражена в нашей художественной литературе. Литературное творчество явно не поспевает за историческим творчеством масс. «День второй» Эренбурга не заполняет этого пробела, но на фоне отставания нашей литературы талантливая книга Эренбурга, проникнутая неподдельным пафосом пятилетки, представляет собой большое событие.

Уже говорил о том, что на мой взгляд является главным достоинством романа Эренбурга. Эренбург прекрасно сумел показать, как меняются и переживаются, как замечательно растут люди на стройке. Коляка Ежов, учительница Ирина и Вера, комсомолец Греша Ефимова, рабфаковка Баяла, вчера еще служившая уборщицей, вчерашний пареня, рассуждающий о Маяковском и Пастернаке, молодая казачка, впервые выступившая на митинге, Васяка Морозов, слесарь Головин, бригадир Адреев и многие другие — все это радовые участники стройки, формирующиеся в героические и напряженной работе в переходных берцовых социализма. Этих людей создала и воспитала пятилетка, и они бодро и уверенно идут вперед в ногу с ней. Они из них стали уже собою советской землей — знавшими людьми нашей эпохи, другие станут ими завтра. Образы этих людей сделаны Эренбургом с удивительным мастерством, и даже там, где они намечены одним, двумя штрихами, они встают перед вами, как живые. И совершенно непонятно, что было о нем. Партия третирует всех без исключения героев эренбургского романа как «мелких людейшек», беспособных мыслителей, как «меленьких человечков», потерявшихся в хаосе новостройки. Трудно выбрать более неудачную инициалу для критического обстрела романа Эренбурга, чем та, которую намечает тов. Гари. Как раз здесь, в показе нового человека, его роста и формирования — самая сильная сторона книги Эренбурга. Именно здесь, в этом показе поколения пятилетки больше всего чувствуется могучий жизненный толк, идущий от великого исторического движения масс.

Значит ли это, что роман Эренбурга безупречен? Значит ли это, что Эренбург сумел показать и передать весь исторический смысл борьбы масс за пятилетний план и ее внутренние движущие силы? Такой ответ был бы по меньшей мере неосторожен. Роман Эренбурга при сколько-нибудь внимательном чтении оставляет двойственное впечатление. Этот двойной след особенно заметен в начале, и постепенно убывает, он почти совсем исчезает к концу романа. Дело сводится, коротко говоря, к следующему. Там, где автор заставляет действовать или говорить изображаемых им лиц, в особенности людей из массы, он, как художник, остается верен правде. Там же, где автор пытается в общности, где он пытается сам анализировать исторические события, его выводы и оценки часто грешат против правды. Возьмите следующие эскизные описание потока, движущегося по новостройке: «Люди поспешали, и ничто больше не могло их остановить... Здесь были украинцы и татары, пермяки и калужцы, бураты, черемисы, калмыки, шахтеры из Юзовки, токари из Козьмодемьянского завода, рабочие из Юзовки и рассудачные, к кому-то, между комсомольцем и сектантом, между шахтером из Юзовки и рассудачным... Но ведь это прямая неправда, которую сам Эренбург затем многократно опровергает.

Так же непонятно и узко, вне исторической перспективы оценивает Эренбург и ударничество.

«Их называли «ударниками». Они из них надрылись, чтобы получить ленточки к чаю или отрез на штаны. Других подгоняло честолюбие: они не хотели остаться позади. Третьи работали так, как обычно люди играют в железку; это был строительный азарт. Четвертые мечтали выйти в люди: стать обер-мастером, поехать на курсы в Свердловск, поменять кирку или кувалду на портфель красного директора. Пятые боготворили завод. Машин были для них живыми... Шестые верили, что стоит достроить завод, как людям сразу станет легче: будут рельсы, а по рельсам поедут сахар, чай, сухое и салоны. Ударничество было много — чистых и нечистых. Но все они работали скорее, не ждали молги. Они работали скорее, не ждали молги работать люди».

Снова нет, все эти мотивы занимают немалое место в любом изложении ударников. И личная заинтересованность, и спортивный азарт, и наивная вера сплошь и рядом выступают как очень важный стимул ударной работы больших групп рабочих.

Социалистическое соревнование не подает личного интереса, а подает его до уровня общих интересов класса и связывает его с ними. Но все же главное в ударничестве — не личный интерес и не спортивный азарт. Главное и решающее — это новое, коммунистическое отношение к труду, это — говоря словами Сталина — превращение труда «из занудного и тяжелого бремени в дело чести, дело славы, дело любви и героизма». Главное в том, что рабочий, а теперь и колхозник, создает себя хозяином производства и берет на себя ответственность за общее дело. Вот это главное и выпало из поля зрения Эренбурга, когда он анализирует ударничество. Но зато посмотрите, как действуют в романе Коляка Ежов, шахтер Семенов, партизан Самушкин и десятки других рабочих производства, — вы увидите великолепные образцы подлинно коммунистического отношения к труду. Так Эренбург-художник по-прежнему Эренбург — «социолог».

Наконец, еще один пример. Я останавливался на нем потому, что он обрисовывает ошибку не только Эренбурга, но и критиков романа его Гари. В первой главе романа, рисуя общий внешний фон новостройки таким, каким его увидел бы наблюдатель со стороны, не принимающий участия в строительстве и не раскрывший еще его внутренних движущих сил, Эренбург не жалост зло-

вещих и мрачных тонов и чрезмерно ступает краску. То ли это литературный прием для того, чтобы резче оттенить дальнейшее развитие романа, то ли это обычный стиль эренбургских описаний: — во всяком случае, мера — художественная и историческая — здесь нарушена. «Ударной была воля и отчаяние — они выдерживали. Звери отступали». Дальше идет запредельное рассуждение — на нем и сосредоточены огонь Гари — о том, что хотя звери и лопали, пши, клопы и тараканы не замечали человека и пошли за ним и в тайгу и под землю.

«День и ночь рабочие строили бараки, но бараки не хватало. Семья спала на одной койке. Люди чесались, обнимались и плакали в темноте. Они развешивали вокруг косяк тряпичные зловонные тряпки, пытались отравить свои ноги от посторонних глаз... Те, что не попадали в бараки, Человек приходил на стройку и тогда же, как зверь, он начинал рыть нору... Земля покрывалась выдрами: это были сотни землянок». «В тифозной больнице строители умирали от сыпняка. Умирали, они бредили... На месте мертвых приходили новые». Что и говорить, новое строительство на голом месте не обходилось, особенно на первых порах, без землянок, без грязи, без насекомых и энзимов. Кстати: все это грязь — категория социальная; это — наследие старого мира, от которого страшно и энергичнейшим образом очищается в Магнитогорске еще сегодня свыше 1.000 барачков, коммисаров, провинциальное несовершенство барачков на чистоту, не улаось в 800 бараках обнаружит и в отдаленном районе: не уж слишком все это густо подано у Эренбурга. Тут и трупы (!) через которые шагают строители, тут и отчаяние (!), заставляющее человека переносить то, чего не выдерживают звери. На это как раз и споткнулся Гари. Выпавшие первые строки романа, где говорится об отчаянии, о зверях и насекомых, Гари восклицает: «Но это не только начало романа, но это и его суть». Писатель воспекает разнузданную стихию». Похоже на то, что, прочитав первую главу романа, Гари в этом заплодотворенном и тактично убитом рабстве, между тем дело обстоит совсем не так страшно. Но мерзавцы действия в романе молча превращаются и неверных обобщений отпадает и из-под пера художника выходит яркая, красочная, полная жизни картина героической борьбы масс и их творческой работы. А. Гари, удивленный ролью обобщителя, догадывается до прямого поклепа, подкидывая Эренбургу «апологию австралийской брехни». Надо признать вполне заслуженной ту отповедь, которую Г. Гари получил от Р. Гадека.

Несколько замечаний о других недостатках книги. Мне представляется надуманной и нежелательной, отходящей от действительности, та коллизия, на которой строится все развитие романа. Роль Рязанова и Ирины, Варе и Греше, всей массы молодежи, активно включившейся в строительство новой жизни, противопоставлен Володя Сафонов, не пристроившийся ни к какому делу, мятущийся, рафинированный интеллигент, презирающий массы и их труд. Он считает себя привнесшим той высокой культуры, которая создавалась всеми и воспитанами которой были Сенка, Шекшир, Сивит, Давосевский, Анатолий Франс. Он твердо уверовал в несомненность Сенки и чужда, и кажется, его в этом поддерживает и автор. Сузя поперечною линией, которым зачитывался этот молодой человек; зрелища и культуры было довольно убогой и чуждой. Любимый слушатель института ЛНД записывал бы его по часам по этой части. Вся система взглядов Сафонова если только сумятица может быть сведена в систему, довольно близ-

кая и родственная идеологии германского фашизма. Не найдя себе ничего примененного для фразы, И, вероятно, у вас всегда под рукой самая распространенная «Малая советская энциклопедия» или вышедшие тома «Литературной энциклопедии». Но всегда ли справке в словарях может быть нужные вам точные сведения или рассеять сомнения? Иногда сомнения и возникают после обращения к энциклопедии. Например, вас интересует Г. Уэллс. Раскрыл IX том МСЭ, вы узнаете, что родился в Г. Уэллс в 1865 г. Как бы в доказательство верности этих сведений здесь же приложен портрет еще нестарого мужчины. Но мы задумаемся: «Уэллс же родился еще так молод?» Начинаете пролистывать, справляетесь в других энциклопедиях и убеждаетесь, что на самом деле Г. Уэллс родился лет на двадцать раньше (1868). Это искусное омоложение, произведенное МСЭ над одним из известнейших современных писателей, заставляет вас заинтересоваться и сведениями, какие дает МСЭ о других писателях. Промышленные различия имена или наугад раскрытия тома МСЭ, вы находите, что и А. Ахматовой, оказывается, моложе на 5 лет, так как указан 1893 г. рождения (нужно 1888). (Кстати, в Большой советской энциклопедии год рождения А. Ахматовой — 1898). За год до своего рождения в МСЭ записана в жизни и Д. Коновал укажи 1856 г. (нужно 1857) и Д. Марьяновский; покаян 1865 г. (нужно 1866). О. Мирро же родился в 1848 г., а не в 1850 г.

Имена некоторых писателей в МСЭ можно найти с трудом. Так, писательница Юрия Занд стоит в словаре на «Жорж», а не на «Санд», или, приняв на внимание французское произношение, на «Санд», как в других словарях, справочниках, каталогах и т. д. Правда, расстояния, алфавитная невозможность и на полных полных читателя, но где же массовому читателю знать эти тонкости, и никогда никто не будет разыскивать «Деминго Белого» или «Деминго», а Максим Горький и «Максим» — вот некоторых писателей совсем нельзя найти в МСЭ ни на имя, ни на фамилию (А. Мид, Д. Дюкис и др.).

Но на эти замечания работники МСЭ могут вполне резонно ответить, что МСЭ является энциклопедией общего характера и уделяет только небольшое место вопросам литературы, и отсылать к специальной «Литературной энциклопедии».

И вот, просматривая «Литературную энциклопедию», вы обогащаетесь совершенно новыми данными, узнавая, что И. Бунин родился в 1877 г. (нужно 1870), Г. Гасун в 1859 г. (нужно 1860), Вилье де Лилье в 1839 г. (нужно 1840), М. Коновалов в 1842 г. (нужно 1846), Д. Мерзиковский, как и в МСЭ, в 1865 г. (нужно 1866). А знаменитого скульптора Г. Х. Аммонса ЛЭ полагает на самом деле он жил после этого еще целых пять лет (до 1875 г.) — а Аммонс же умер не в 1907 г., а в 1908 г.

И совсем не найдете вы в ЛЭ Ибаньеса или Коновал-Доля, так как они стоят на «Власко» и на «Дойль». Если в этом нет ошибки, то, приняв на внимание общеупотребительное у нас Ибаньеса или Коновал-Доля, в словаре должны быть ссылки.

В ГИХЛ выходящая книга И. Клейнберг «Творчество Власова» иллюстрирована гравюрами худ. А. Соловьевич. Мы помещаем портрет Мольера и констатируем книгу.

В ГИХЛ выходящая книга И. Клейнберг «Творчество Власова» иллюстрирована гравюрами худ. А. Соловьевич. Мы помещаем портрет Мольера и констатируем книгу.

„Посмотрите в энциклопедию“

Вы, конечно, часто слышите да и сами произносите эту фразу. И, вероятно, у вас всегда под рукой самая распространенная «Малая советская энциклопедия» или вышедшие тома «Литературной энциклопедии». Но всегда ли справке в словарях может быть нужные вам точные сведения или рассеять сомнения? Иногда сомнения и возникают после обращения к энциклопедии. Например, вас интересует Г. Уэллс. Раскрыл IX том МСЭ, вы узнаете, что родился в Г. Уэллс в 1865 г. Как бы в доказательство верности этих сведений здесь же приложен портрет еще нестарого мужчины. Но мы задумаемся: «Уэллс же родился еще так молод?» Начинаете пролистывать, справляетесь в других энциклопедиях и убеждаетесь, что на самом деле Г. Уэллс родился лет на двадцать раньше (1868). Это искусное омоложение, произведенное МСЭ над одним из известнейших современных писателей, заставляет вас заинтересоваться и сведениями, какие дает МСЭ о других писателях. Промышленные различия имена или наугад раскрытия тома МСЭ, вы находите, что и А. Ахматовой, оказывается, моложе на 5 лет, так как указан 1893 г. рождения (нужно 1888). (Кстати, в Большой советской энциклопедии год рождения А. Ахматовой — 1898). За год до своего рождения в МСЭ записана в жизни и Д. Коновал укажи 1856 г. (нужно 1857) и Д. Марьяновский; покаян 1865 г. (нужно 1866). О. Мирро же родился в 1848 г., а не в 1850 г.

Имена некоторых писателей в МСЭ можно найти с трудом. Так, писательница Юрия Занд стоит в словаре на «Жорж», а не на «Санд», или, приняв на внимание французское произношение, на «Санд», как в других словарях, справочниках, каталогах и т. д. Правда, расстояния, алфавитная невозможность и на полных полных читателя, но где же массовому читателю знать эти тонкости, и никогда никто не будет разыскивать «Деминго Белого» или «Деминго», а Максим Горький и «Максим» — вот некоторых писателей совсем нельзя найти в МСЭ ни на имя, ни на фамилию (А. Мид, Д. Дюкис и др.).

Но на эти замечания работники МСЭ могут вполне резонно ответить, что МСЭ является энциклопедией общего характера и уделяет только небольшое место вопросам литературы, и отсылать к специальной «Литературной энциклопедии».

И вот, просматривая «Литературную энциклопедию», вы обогащаетесь совершенно новыми данными, узнавая, что И. Бунин родился в 1877 г. (нужно 1870), Г. Гасун в 1859 г. (нужно 1860), Вилье де Лилье в 1839 г. (нужно 1840), М. Коновалов в 1842 г. (нужно 1846), Д. Мерзиковский, как и в МСЭ, в 1865 г. (нужно 1866). А знаменитого скульптора Г. Х. Аммонса ЛЭ полагает на самом деле он жил после этого еще целых пять лет (до 1875 г.) — а Аммонс же умер не в 1907 г., а в 1908 г.

И совсем не найдете вы в ЛЭ Ибаньеса или Коновал-Доля, так как они стоят на «Власко» и на «Дойль». Если в этом нет ошибки, то, приняв на внимание общеупотребительное у нас Ибаньеса или Коновал-Доля, в словаре должны быть ссылки.

Мы загромождены объяснять причины этих ошибок в ЛЭ. Некоторые детали слишком хорошо известны специалистам литературы человека, чтобы могла быть дана такая же обстоятельная информация, которую мы хотим изложить в МСЭ.

Оставим же писателя, жалуясь и умиравшего в неоложении для нас время или стоящих в словаре не на своем месте.

Посмотрим, какие сведения дает МСЭ о писателях. Берем том на букву «К». Юковский. Даты указаны верно. Верно и замечание, что Кожевниковский красавец главным образом, жизнь крестьянства и трудовой деятельности, а вот ни одного из произведений Кожевниковского не привели, между тем как его повесть «Разногласия» во время первой революции является не только главным произведением этого писателя, но и считается лучшим произведением в эрванской литературе. В МСЭ указаны «Полное собрание сочинений» Харьков. 1928 г. и «Избранные произведения» 2 т. М. 1929 г. Это, безусловно, верно. Имя так, на второе слово учителя, кто написал Пушкин, гимназист безошибочно ответил: «Полное собрание сочинений».

Сведения же о П. Истрати носят скорее биографический характер. Здесь сообщается, что Истрати начал писать повести, что он «показался на самоубийстве», а в XX годовщину Октября приехал в СССР, где прожил больше года.

Не атмас, насколько для стотысячной аудитории МСЭ важны сведения, что П. Истрати начал родом писать (когда? сколько лет?) или что он покаялся на самоубийстве. Все это лично для характеристики писателя, но не нужно ли это помещать в энциклопедию? Истрати — это не тот, кто не знает, как это правильно. А вот рядовой читатель, узнав о том, что П. Истрати прожил в СССР целый год, может сделать вывод, что этот писатель является лучшим другом СССР, в это время как П. Истрати давно перешел в лагерь фашистов. Должна ли массовая энциклопедия сообщать подобное рода неопределенные сведения? Мы не имеем права требовать от энциклопедии общего характера, чтобы она давала литературные статьи с глубоким анализом творчества писателя. Но если это не входит в программу энциклопедии, то не более необходимо, чтобы в тех 10—20 строчках, какие в (в среднем) отводится в МСЭ отдельному писателю, были даны точные и верные сведения о писателе, т. е. время, когда он жил, о чем писал и его основные произведения. Это и будет отсылка к биографии, или к сведениям о самоубийстве, или к сведениям о самоубийстве, или к сведениям о самоубийстве, или к сведениям о самоубийстве, или к сведениям о самоубийстве, или к сведениям о самоубийстве.

Наша заметка составлена на основе берлого просмотра энциклопедии. Вполне возможно, что при более внимательном чтении книги, вы найдете немало новых и интересных сведений.

И. МАТРУС.

В БОЛОТЕ

Второй роман Фаллады «Что же дальше?» был явным шагом вперед по сравнению с его первым фашистским романом «Крестыне, бонны, бомбы». Вопрос о протестантизме мелкого буржуа, вопрос о том, как относятся массы мелкого буржуа к своему неизменному обличью в условиях капиталистического кризиса, представляет собой тему, интерес которой выходит далеко за пределы художественной литературы.

Роман Фаллады «Что же дальше?» возник из инстинктивного возмущения мелкого буржуа ужасами последнего капитализма третьего периода, возросшей человеческой эксплоатацией, капиталистической рационализации и угрозой длительной массовой безработицы. Но путанный романтический антикапитализм Фаллады переходит в апоэтичность, поскольку из поля зрения Фаллады ускользает борьба протестанта. Фаллада оказывается несостоятельным в показе противоборств мелкого буржуа, служащих своим эксплуататорам. Ему не знакомо организованное сопротивление, классовая солидарность, он знает только индивидуальные разрывы создаются таинственными силами. И эти силы для Фаллады проблема отходят в область социального и области моральной: центральной проблемой является для него то, в какой мере улетает его герою остаться «порядочным». Брак в семье является при этом силой, помогающей герою Фаллады выбирать из создавшегося для них жизненного кризиса. Превосходный показ эксплоатации и угнетения служащих связывается, таким образом, с романтической семейной идиллией; романтиче-

ский антикапитализм при критике существующего общества превращается в романтически реакционный призыв к апоэтичности.

Роман Фаллады вызвал горячие споры и в лагере революционных писателей. Многие восхитались глубоко жизненным показом отдельных образов и положений и видели в Фалладе надежду реалистической литературы Германии в отношении его писательской одаренности по праву. Но за заслуженные похвалы по адресу прозорливой одаренности Фаллады многие не разделили слабости основной концепции его романа. Не понял, что у мелкого буржуа Фаллады, шатающегося между буржуазией и протестантизмом и значительной затронутым фашистской идеологией, эти тенденции выступали на переломный план, что ложность его основной концепции являлась только литературным выражением его путаницы и шатаний.

Последний — третий — роман Фаллады «Кто отвел однажды тиремой полетку» свидетельствует о том, что права были те, кто протестовал от переоценки буржуазного характера второго романа писателя. Новый роман (и в предисловии автор совершенно отчетливо на это указывает) был задуман еще до «третьей империи»; тогда же написана была большая его часть. Вполне возможно, что не будь «третьей империи», роман мог бы закончиться несколько иначе. Но анализ романа показывает нам, что решающего изменения при нем не могло. Но тема Фаллады — сентиментальный, мелкобуржуазный, достаточно избитый упрек по адресу буржуазного общества: упрек в том, что своим бесчеловечным бюрократизмом оно непрерывно затрунцает путь к «честности» преступнику, уже попертому один раз наказанием. Фаллада только постылым касается «третьей империи», поскольку указывает в своем предисловии на то, что национал-социализм уже дал в архивах Сталя называемое гуманное проведение наказания, его смехотворные, его протективные последствия, вызываемые заслуженные упрёки, последствия, показанные в книге. Итак, он преклоняется перед представителями «третьей империи»; он считает, что «супинтоцием либерализма» действительно является изменение буржуазного общества. И он со всей определенностью высказывает свою веру в национал-социалистическое общество: «Не болютваи о гуманности для отбывающих наказание заключенных, а протестование работы тем, кто уже отбыл наказание... Не милость, а подвешенные черты под прощанием: настало время, чтобы показать, «кто ты».

Но роман Фаллады и в независимом от предисловия перед «социализмом» «третьей империи» — явный шаг к псевдорелигиозной апологии капиталистического общества. Шаг, который ядет долгие освещенные буржуазному характеру предыдущего романа. В предисловии Фаллады сам отмечает внутреннее средство своего нового героя, мелкобуржуазного мелкого помещика Вилла Куфальта с популярным героем предыдущего романа — мелким буржуа Пиннебергом. Оба они — типичные мелкие буржуа. Они слабы, они колеблются, они ползывают всем предисловием своего класса. Действующий, новый герой, как говорит Фаллада, только «братская тень» предыдущего. Но для развития Фаллады чрезвычайно характерно, какие жизненные положения, какие житейские судьбы избрал он для предыдущего своего романа и какие избирает он теперь. Прежде судьба капиталистического кризиса штырла Пиннеберга то к покойной семейной жизни при капиталистическом изнурительном труде, то к волевой нужде, безработице. Уже здесь для счастья от буржуазного характерно было следующее: субъективные шатания его героя в результате объективной шаткости его экономического положения были шатающими между «честностью» и «преступлением», а между общественной покорностью и клас-

совой борьбой; покорность, примиренность с явственно неизменной судьбой общества и была основной нотой в предыдущем романе.

Эта основная нота нарастает в новом романе, она становится доминирующей. Борьба, противодействие затронуты здесь слегка, как побочный мотив, как отвернутая и напрасно предпринятая попытка. Речь идет главным образом о противоречии между «честностью» и «преступлением». Фаллада опенывает один год из жизни своего героя: с момента выхода на свободу после пятилетнего тюремного заключения до нового заключения в тюрьму в результате приговора на семь лет. В этот промежуток — отчаянные попытки наладить «честное» мелкобуржуазное существование, проследить снова в нормальную мелкобуржуазную жизнь и провала все попытки. Провалы — поскольку политический контроль буржуазного общества непрерывно затрунцует преступнику, отбывшему уже один раз наказание, всякий шаг к нормальной буржуазной жизни. Провалы и потому, что все те, кто после отбытия наказания выпущены на свободу, душевно ранены тюремной жизнью, что они уже не в состоянии бороться с препятствиями. Так, после целого года попыток стать «честным», постоянно балансируя на грани нового заключения, заблудший мелкий буржуа Фаллады снова соскальзывает благодаря случайности и невезению к новому преступлению, подвергается аресту, приговаривается к тюремному заключению, снова возвращается в тюрьму; он окончательно разбит, развален; теперь он уже ощущает тюрьму как истинную свою родину.

Отклонения Фаллады от пути мелкобуржуазного буржуазного реализма имеют более глубокие корни, чем подзаимчивание к «третьей империи». Если бы Фаллада закончил свой роман еще под реймарской «демократией», возможно, роман содержал бы более резкие, полусмешные заострен-

ные упрёки по адресу «веймарской системы». Но и эти упрёки были бы не чем иным, как мнимыми нападками на один из симптомов капиталистического общества; мнимыми нападками, прикрывающими то, что автор не может или не намерен вести подлинную борьбу против капиталистического общества. Этот характер мнимых нападков был налицо уже в предыдущем романе. Его раскрытие в новом романе показало со всей ясностью, обращаясь к прошлому, что в отношении буржуазного характера предыдущего романа произошла глубокая перемена.

Раскрытие мировоззрения Фаллады, его мелкобуржуазного морализаторского фатализма по отношению к капиталистическому обществу сказывается в новом романе и стилистически. Преобладающее место занимают в нем явная ложность, псевдорелигиозный стиль «относительной стабилизации», который перекрещивается в прежнем романе с позитивными, реалистическими тенденциями. Фаллада — писатель исключительного дара наблюдательности, способности пластически, живописно и красочно отобразить свою жизнь, что он уже не в состоянии бороться с препятствиями. Так, после целого года попыток стать «честным», постоянно балансируя на грани нового заключения, заблудший мелкий буржуа Фаллады снова соскальзывает благодаря случайности и невезению к новому преступлению, подвергается аресту, приговаривается к тюремному заключению, снова возвращается в тюрьму; он окончательно разбит, развален; теперь он уже ощущает тюрьму как истинную свою родину.

Отклонения Фаллады от пути мелкобуржуазного буржуазного реализма имеют более глубокие корни, чем подзаимчивание к «третьей империи». Если бы Фаллада закончил свой роман еще под реймарской «демократией», возможно, роман содержал бы более резкие, полусмешные заострен-

ные упрёки по адресу «веймарской системы». Но и эти упрёки были бы не чем иным, как мнимыми нападками на один из симптомов капиталистического общества; мнимыми нападками, прикрывающими то, что автор не может или не намерен вести подлинную борьбу против капиталистического общества. Этот характер мнимых нападков был налицо уже в предыдущем романе. Его раскрытие в новом романе показало со всей ясностью, обращаясь к прошлому, что в отношении буржуазного характера предыдущего романа произошла глубокая перемена.

Раскрытие мировоззрения Фаллады, его мелкобуржуазного морализаторского фатализма по отношению к капиталистическому обществу сказывается в новом романе и стилистически. Преобладающее место занимают в нем явная ложность, псевдорелигиозный стиль «относительной стабилизации», который перекрещивается в прежнем романе с позитивными, реалистическими тенденциями. Фаллада — писатель исключительного дара наблюдательности, способности пластически, живописно и красочно отобразить свою жизнь, что он уже не в состоянии бороться с препятствиями. Так, после целого года попыток стать «честным», постоянно балансируя на грани нового заключения, заблудший мелкий буржуа Фаллады снова соскальзывает благодаря случайности и невезению к новому преступлению, подвергается аресту, приговаривается к тюремному заключению, снова возвращается в тюрьму; он окончательно разбит, развален; теперь он уже ощущает тюрьму как истинную свою родину.

Отклонения Фаллады от пути мелкобуржуазного буржуазного реализма имеют более глубокие корни, чем подзаимчивание к «третьей империи». Если бы Фаллада закончил свой роман еще под реймарской «демократией», возможно, роман содержал бы более резкие, полусмешные заострен-

ные упрёки по адресу «веймарской системы». Но и эти упрёки были бы не чем иным, как мнимыми нападками на один из симптомов капиталистического общества; мнимыми нападками, прикрывающими то, что автор не может или не намерен вести подлинную борьбу против капиталистического общества. Этот характер мнимых нападков был налицо уже в предыдущем романе. Его раскрытие в новом романе показало со всей ясностью, обращаясь к прошлому, что в отношении буржуазного характера предыдущего романа произошла глубокая перемена.

Раскрытие мировоззрения Фаллады, его мелкобуржуазного морализаторского фатализма по отношению к капиталистическому обществу сказывается в новом романе и стилистически. Преобладающее место занимают в нем явная ложность, псевдорелигиозный стиль «относительной стабилизации», который перекрещивается в прежнем романе с позитивными, реалистическими тенденциями. Фаллада — писатель исключительного дара наблюдательности, способности пластически, живописно и красочно отобразить свою жизнь, что он уже не в состоянии бороться с препятствиями. Так, после целого года попыток стать «честным», постоянно балансируя на грани нового заключения, заблудший мелкий буржуа Фаллады снова соскальзывает благодаря случайности и невезению к новому преступлению, подвергается аресту, приговаривается к тюремному заключению, снова возвращается в тюрьму; он окончательно разбит, развален; теперь он уже ощущает тюрьму как истинную свою родину.

Отклонения Фаллады от пути мелкобуржуазного буржуазного реализма имеют более глубокие корни, чем подзаимчивание к «третьей империи». Если бы Фаллада закончил свой роман еще под реймарской «демократией», возможно, роман содержал бы более резкие, полусмешные заострен-

ные упрёки по адресу «веймарской системы». Но и эти упрёки были бы не чем иным, как мнимыми нападками на один из симптомов капиталистического общества; мнимыми нападками, прикрывающими то, что автор не может или не намерен вести подлинную борьбу против капиталистического общества. Этот характер мнимых нападков был налицо уже в предыдущем романе. Его раскрытие в новом романе показало со всей ясностью, обращаясь к прошлому, что в отношении буржуазного характера предыдущего романа произошла глубокая перемена.

Раскрытие мировоззрения Фаллады, его мелкобуржуазного морализаторского фатализма по отношению к капиталистическому обществу сказывается в новом романе и стилистически. Преобладающее место занимают в нем явная ложность, псевдорелигиозный стиль «относительной стабилизации», который перекрещивается в прежнем романе с позитивными, реалистическими тенденциями. Фаллада — писатель исключительного дара наблюдательности, способности пластически, живописно и красочно отобразить свою жизнь, что он уже не в состоянии бороться с препятствиями. Так, после целого года попыток стать «честным», постоянно балансируя на грани нового заключения, заблудший мелкий буржуа Фаллады снова соскальзывает благодаря случайности и невезению к новому преступлению, подвергается аресту, приговаривается к тюремному заключению, снова возвращается в тюрьму; он окончательно разбит, развален; теперь он уже ощущает тюрьму как истинную свою родину.

Отклонения Фаллады от пути мелкобуржуазного буржуазного реализма имеют более глубокие корни, чем подзаимчивание к «третьей империи». Если бы Фаллада закончил свой роман еще под реймарской «демократией», возможно, роман содержал бы более резкие, полусмешные заострен-

ПУШКИН-КРИТИК

Выходя из круга художественного творчества, Пушкин все его хотнее отдавался историческим занятиям, критике и теории литературы.

Эта сторона Пушкина менее всего известна, а между тем об этом его литературно-критической работы очень велики.

Перепишет Пушкина охватывает почти все явления современной ему литературы. Кроме того Пушкин выступал и как критик-профессионал со статьями, рецензиями и заметками в «Московском телеграфе», «Литературной газете», «Современнике»

Литература у нас существует, но критика ее нет — у нас журналисты браются именами классиков и романистов, как старухи брались цесов франко-массонами и вольтерьянами, не имея понятия ни о Вольтере, ни о Франк-массонстве.

Критика — наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусства и литературы. Она основана (1) на совершенном знании правды, волеи руководствуются художник или писатель в своих произведениях, на (2) глубоком научении образцов и на действительном наблюдении современных замечательных явлений. Где нет любви к искусству, там нет и критики...

...Читайте простонародные сказки, молодые писатели, — чтоб видеть свойства русского языка. (Об «Евгении Онегине» 1828 г.)

Критиком у нас большею частью занимаются журналисты. Т. е. отщепенцы, люди, понимающие свое дело, но не только не критики, но даже и не литераторы... (Из заметок о критике и полемике, 1830 г.)

Произведения нашей литературы, как ни репки, но являются, живут и умирают, неопиенные по достоинству. Критика в наших журналах или ограничивается сухими библиографическими известиями, сатирическими замечаниями, более или менее остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается в домашнюю переписку издателей с сотрудниками, с корректорами и проч...

Разговорный язык простого народа, не читающего иностранных книг, и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке, достоин глубочайших исследований. (Из заметки об «Евгении Онегине», 1830 г.)

Сам с'ешь! — Заметил ли ты, что все наши журнальные антинкритики основаны на сам с'ешь? Булгакин говорит Федорову: Ты лучше; Федоров говорит Булгакину: сам ты лучше. Писарев говорит Погодину: ты и в ереще. Полевой возражает Писареву: ты сам в ереще. Один кричит: ты крадешь! Другой: сам ты крадешь! И все правы... (Из письма П. А. Вяземскому, 1825 г.)

У нас литература не есть потребность народа. Писатели получают известность посторонними обстоятельством. Публика мало ими занимается. Класс читателей ограничен — им управляют журналы, которые судят о литературе, как о политической экономии, или о политической экономии, как о музыке, т. е. наобум, но напыщенно, без всяких основательных правил и сведений, а

...Так называемый язык богов так еще для нас нов, что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток любительских стихов с рифмами. Прелесть нагой простоты так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гонимся за обетательными украшениями, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем. Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и проза старается придать напыщенность.

...Наши поэты не могут жаловаться на излишнюю строгость критиков и публики — напротив. Едва заметив в молодом писателе навык в стихосложении, знание языка и средств оно, уже тотчас сниском приносят ему титул Гениа, за гласные стихи — нежно благодарят его в журналах от имени и человека с чувств, неверный перевод, бледное изображение сравнивают, без

...Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует ясности и мысли — без них блестящие выражения ни к чему не служат; стихи дело другое (вырочек, в них не мелоча бы нашим поэтам иметь сумму или гораздо познательнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется)... (Из заметки о слоге, 1822 г.)

...Правдолюбие положений и правда диалогов — вот настоящие законы трагедии (Шекспир охватил страсти, Гете — нравы). Я не читал ни Кальдерона, ни Вега, но что за человек этот Шекспир? Не могу прийти в себя! Как Байрон-трагик мелок по сравнению с ним! Байрон, который постиг всего-на-всего один характер (именно свой собственный) (у женщины нет характера, — у них страсти в молодости, — вот почему так легко рисовать их), итак, Байрон (в трагедии) разделял между своими героями те или другие черты своего собственного характера: одному дал свою гордость, другому — свою нежность, третьему — свою междоусобицу, и т. д., и таким образом из одного характера, полного, мрачного и энергичного, создал несколько характеров незначительных, — это уже вовсе не трагедия...

...Наша поэзия не может жаловаться на излишнюю строгость критиков и публики — напротив. Едва заметив в молодом писателе навык в стихосложении, знание языка и средств оно, уже тотчас сниском приносят ему титул Гениа, за гласные стихи — нежно благодарят его в журналах от имени и человека с чувств, неверный перевод, бледное изображение сравнивают, без

...Таким образом избралось у нас несколько своих Пиндаров, Аристотел и Байронов и десятки три писателя, делающих истинную честь нашему веку.

...Читайте Шекспира (это мой пророк)! Он никогда не боится спекулировать свое действующее лицо, — он заставляет его говорить со всею жизненною непринужденностью, ибо уверен, что в свое время и в своем месте он заставит это лицо найти язык, соответствующий его характеру... (Из чернового письма Н. Н. Раевскому, 1825 г.)

...Наша поэзия не может жаловаться на излишнюю строгость критиков и публики — напротив. Едва заметив в молодом писателе навык в стихосложении, знание языка и средств оно, уже тотчас сниском приносят ему титул Гениа, за гласные стихи — нежно благодарят его в журналах от имени и человека с чувств, неверный перевод, бледное изображение сравнивают, без

...Таким образом избралось у нас несколько своих Пиндаров, Аристотел и Байронов и десятки три писателя, делающих истинную честь нашему веку.

...Читайте Шекспира (это мой пророк)! Он никогда не боится спекулировать свое действующее лицо, — он заставляет его говорить со всею жизненною непринужденностью, ибо уверен, что в свое время и в своем месте он заставит это лицо найти язык, соответствующий его характеру... (Из чернового письма Н. Н. Раевскому, 1825 г.)

Пушкинский сборник „Литературного наследства“

В печати находится очередной сборник «Литературного наследства», посвященный Пушкину.

Сборник открывается большим статьями разделом. Одним из главных вопросов пушкинского наследия и переосмысления его с точки зрения современности посвящена статья И. С. Виноградова «Пушкин и современность».

Второй раздел содержит в основном работы по отдельным конкретным вопросам литературного поведения Пушкина и публикации новых документально-текстовых материалов. Эпистолярный раздел сборника включает четыре неизвестных письма Пушкина.

В мемуарном разделе центральное место занимает неизданное воспоминание Катенина о Пушкине.

Далее следует раздел сообщений, посвященных главным образом описанию новейших автографов Пушкина.

Завершается сборник циклом обзоров, дающих исчерпывающую картину развития пушкинского наследия в послеоктябрьский период.

ПУШКИН — ХОХЛОВ

Месяц назад в «Литературной газете» (№ 57) в статье «Новые пушкинские материалы» говорилось об удивительном, выданном за подлинный П. Осиновой на имя двух ее крепостных.

Небольшого роста, темноволосый, голубоглазый, бритый Алексей Хохлов билета был не кто иной, как сам Пушкин, только прибавивший себе три года, очевидно, считая, что ему на вид можно было дать больше лет, чем было на самом деле. А если Хохлов — Пушкин, то ясно, что мнимый поэт, как только узнал о смерти царя, в котором он видел личного врага, предельно оставшего и сохранившего его, решил самозволично покончить со своей ссылкой и бежать в Петербург.

Теперь мы воспроизводим этот любопытнейший документ, обнаруженный в той части архива Пушкина, которая поступила в Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики.

Своим приездом в Петербург поэт хотел поставить друзей своих перед совершенным фактом его смелого «самозволения», которое они (в первую очередь, конечно, Карамзин и Жуковский) должны были так или иначе легализировать.

«Билет» подписан соседкой Пушкина по имени П. А. Осиновой, лицом, очень близким поэту, который доверял ей много из того, что скрывал от других. Скопированный документ вложил Пушкина (серьез Пушкинских, почему-то с графской короной).

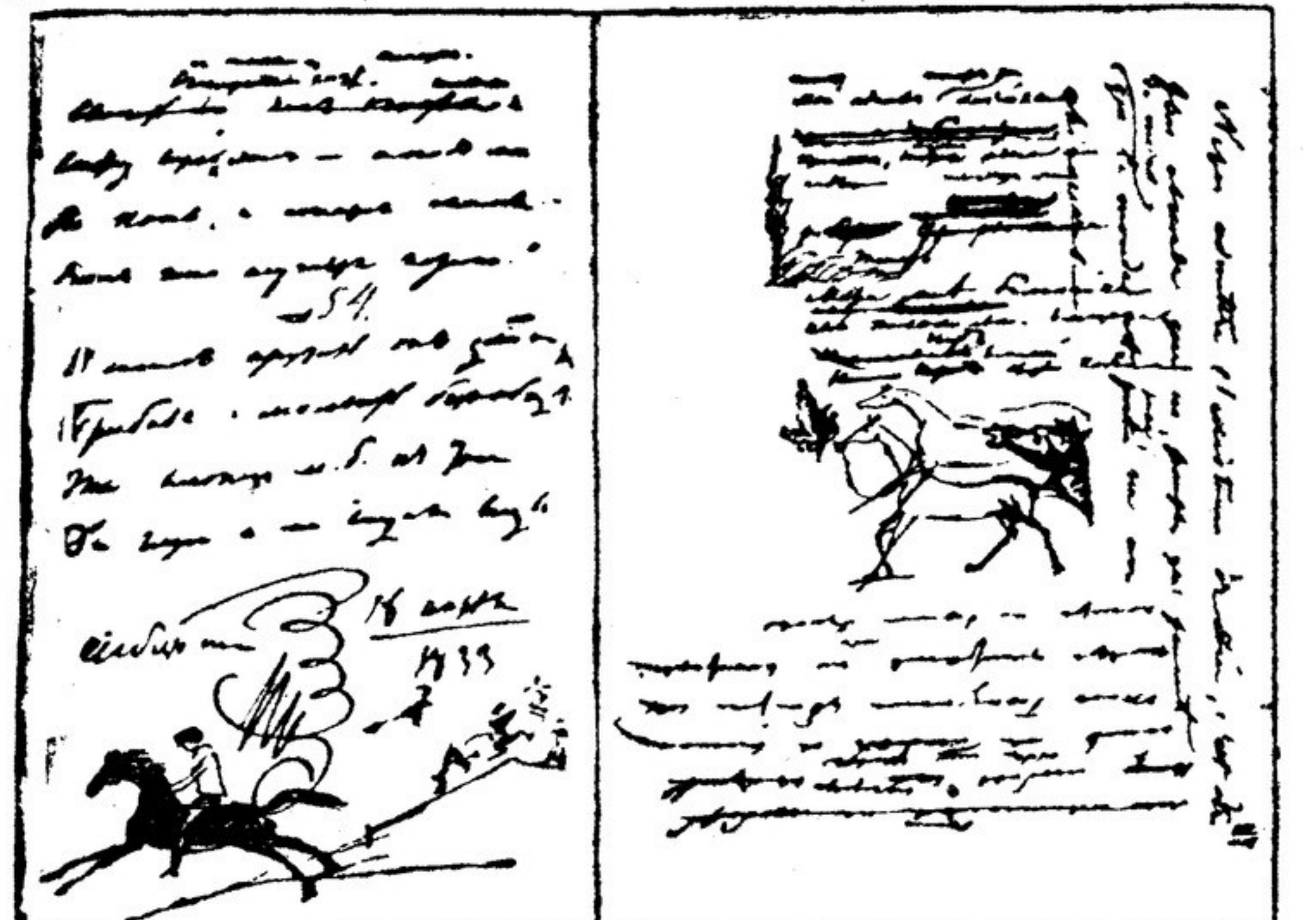
По всем эти так быстро всплывшие на свет документы не только и не только по трезвому размышлению поэт в тот же день отказался от своего плана. 30 ноября он уже пишет Бестужеву в Петербург письмо о литературных делах, зная, что личной беседы между ними скоро быть не может.

Ключ к разгадке содержания «билета» дает его дата: 29 ноября 1825 г. Нужно припомнить, что 19 ноября (утром) умер в Таганроге Александр I. Известие же об этом фельдшер привез в Петербург в предположении часу утра 27 ноября. Но неофициально узнавали о смерти царя от этого фельдшера по пути

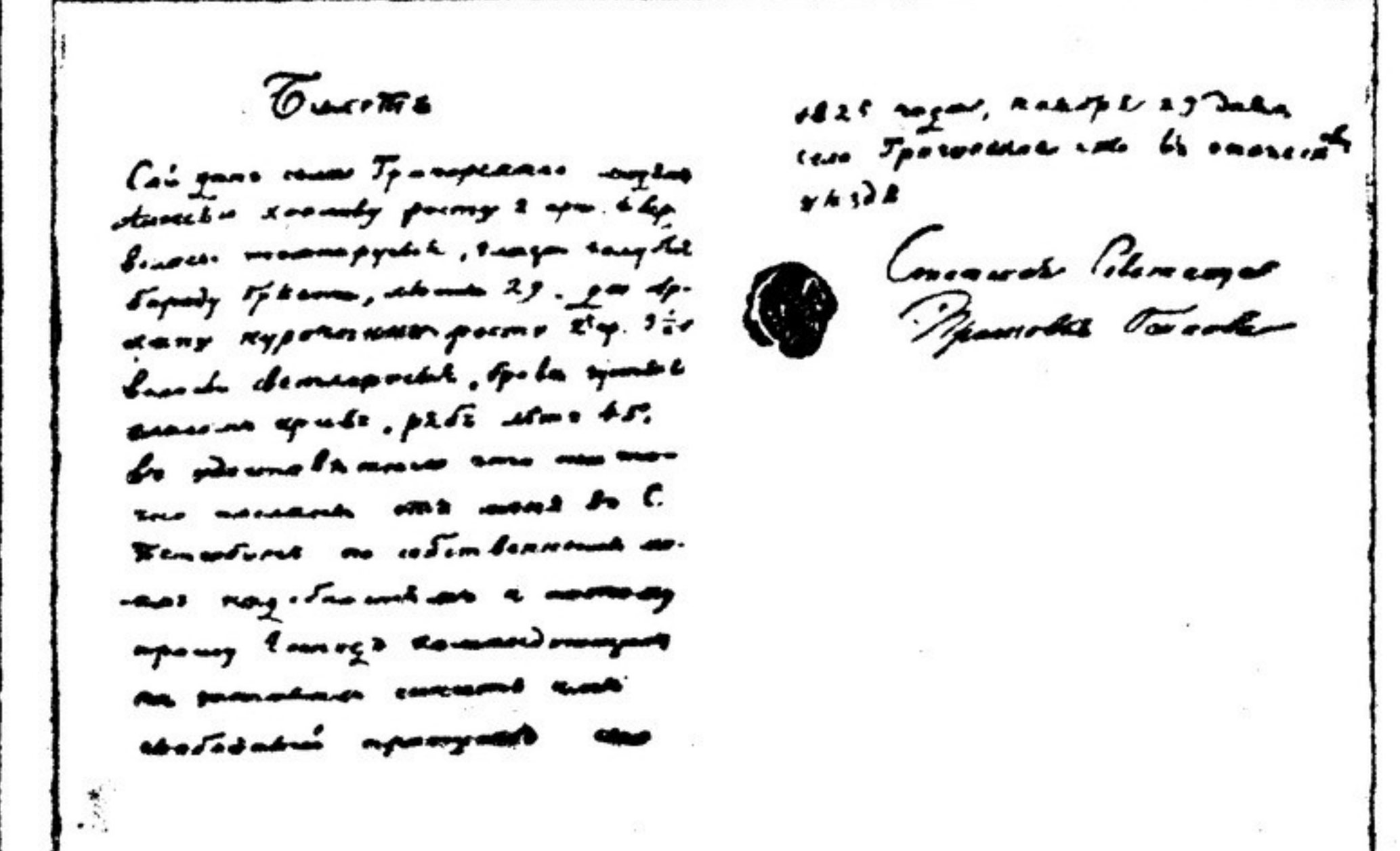
Билет-подорожная осталась неопубликованной и пролежала в бумагах Пушкина более ста лет.

М. ЦВЕТОВСКИЙ.

Старое издание Пушкина, — осуществилось единоличными редакторами. Вначале редакция была поручена акад. Майкову. Он проработал над ним 10 лет и выпустил только один том. После смерти акад. Майкова к работе над Пушкиным приступил В. Е. Якушкин. Но он также успел отредактировать лишь второй том и часть третьего. Работу В. Е. Якушкина продолжил П. О. Морозов, выпустивший третий и четвертый томы (в 1912 и 1916 гг.). После смерти П. О. Морозова вышли еще две книги: IX тома — под редакцией Н. К. Кокина и «История Пугачевского бунта» — под редакцией проф. Н. Н. Фирсова. При таких темпах редакционной работы и выходу каждого следующего тома редакция признавалась устаревшей.

ДВА АВТОГРАФА ПУШКИНА: слева — конец стихотворения «Узур» (РЛЛ, Ленинград), справа — отрывок из «Путешествия Онегина» (Публичная библиотека, Ленинград).

Стихотворение, выданной П. А. Осиновой на имя двух крепостных.

ПУШКИН И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

В пушкинскую эпоху мы находимся у самых истоков нашей новой литературной речи. Неудивительно поэтому, что языковые проблемы стояли в это время в центре всеобщего внимания. То или иное разрешение этих проблем — борьба за «старый и новый слог» — разделяла всю литературную общественность на два враждебных лагера.

В противовес сознательно книжной речи «классиков» («Чтение книг... есть единственный путь, ведущий нас во храм словесности», писал литературный и языковых старостам Шихов) Карамзин и его последователи выдвинули требование: «писать, как говорить». Однако говорили они преимущественно по-французски. И тот «новый слог», который они усваивали вводя в литературу «французский в стиле элеганса», как иронически вычислял его шиповиты, был действительно насквозь «профранцузен», «навыден» французскими словами и выражениями, в самых своих грамматических конструкциях следовала строем французской речи.

«Славянофильство» — это была искусственная книжная речь, имевшая своим главным источником близости и церковно-славянизмом — «язык духовных книг», риторику и пафосную церковную проповедь. Этот в полном смысле слова мертворожденный язык, не обретаемый, не шифруемый неустанно приростом живой речевой стихии, отличался своими тяжелыми формулами, «сварварской» необразительностью грамматики и синтаксиса. Печальная слава пресловутого «творца Тилемахия» Тредьяковского основана в значительной степени на том, что внешне этот язык пришлось ему писать своим орудием. Одновременно со своим «дерзунским слухом» русские ирландцы тот же Тредьяковский писал на французском языке весьма гадкие и приятно звучащие любовные песенки и маршилки. Тредьяковский был одним из значительнейших русских классиков. Но с такой же «книжностью», невольностью языка сталкиваемся в творчестве и одного из завершителей «классической» литературы XVIII в. — Державина. Пушкин же без основания замечал о Державине, что он «душа над русской грамотой, он душа русского языка... Читая его, кажется, читаешь дурной вольный перевод с какого-то чудотворного подлинника».

«Старый слог» — это была литературный язык Ломоносова и Хераскова, язык хваленой оды и «проче-ской пимы», условно «высокий» язык русского классицизма XVIII в. На нем никто никогда не говорил. Это была искусственная книжная речь, имевшая своим главным источником близости и церковно-славянизмом — «язык духовных книг», риторику и пафосную церковную проповедь. Этот в полном смысле слова мертворожденный язык, не обретаемый, не шифруемый неустанно приростом живой речевой стихии, отличался своими тяжелыми формулами, «сварварской» необразительностью грамматики и синтаксиса. Печальная слава пресловутого «творца Тилемахия» Тредьяковского основана в значительной степени на том, что внешне этот язык пришлось ему писать своим орудием. Одновременно со своим «дерзунским слухом» русские ирландцы тот же Тредьяковский писал на французском языке весьма гадкие и приятно звучащие любовные песенки и маршилки. Тредьяковский был одним из значительнейших русских классиков. Но с такой же «книжностью», невольностью языка сталкиваемся в творчестве и одного из завершителей «классической» литературы XVIII в. — Державина. Пушкин же без основания замечал о Державине, что он «душа над русской грамотой, он душа русского языка... Читая его, кажется, читаешь дурной вольный перевод с какого-то чудотворного подлинника».

Около этого же времени он начинает настойчиво призывать всех учиться «правильности и чистоте языка» на горских языках и ба-зарилах, указывая, что «разговорный язык простого народа достоин глубочайших исследований». Помимо непосредственного «прислушивания» к народному говору в качестве одного из главных источников, «необходимых для совершенного знания свойств русского языка», рекомендует он «изучение старинных песен, сказок и т. п.».

Пушкинское требование дать языку «слово, соразмерное с его духом» было частным применением к языковой проблеме одного из основных тезисов общего либерального мировоззрения Пушкина 20-х годов, тезиса о «свободе, ограниченной законом». Соответственно этому и в своей языковой практике Пушкин не только расширял карамзинский, «жаргонный», «новый слог» до пределов «европейского языка» (выражение Шипова), но и дает своеобразный синтез «свободы» и «закона» — «свободу» и «старое слово».

Пушкинское требование дать языку «слово, соразмерное с его духом» было частным применением к языковой проблеме одного из основных тезисов общего либерального мировоззрения Пушкина 20-х годов, тезиса о «свободе, ограниченной законом». Соответственно этому и в своей языковой практике Пушкин не только расширял карамзинский, «жаргонный», «новый слог» до пределов «европейского языка» (выражение Шипова), но и дает своеобразный синтез «свободы» и «закона» — «свободу» и «старое слово».

В пушкинскую эпоху мы находимся у самых истоков нашей новой литературной речи. Неудивительно поэтому, что языковые проблемы стояли в это время в центре всеобщего внимания. То или иное разрешение этих проблем — борьба за «старый и новый слог» — разделяла всю литературную общественность на два враждебных лагера.

В пушкинскую эпоху мы находимся у самых истоков нашей новой литературной речи. Неудивительно поэтому, что языковые проблемы стояли в это время в центре всеобщего внимания. То или иное разрешение этих проблем — борьба за «старый и новый слог» — разделяла всю литературную общественность на два враждебных лагера.

В пушкинскую эпоху мы находимся у самых истоков нашей новой литературной речи. Неудивительно поэтому, что языковые проблемы стояли в это время в центре всеобщего внимания. То или иное разрешение этих проблем — борьба за «старый и новый слог» — разделяла всю литературную общественность на два враждебных лагера.

Пушкинское требование дать языку «слово, соразмерное с его духом» было частным применением к языковой проблеме одного из основных тезисов общего либерального мировоззрения Пушкина 20-х годов, тезиса о «свободе, ограниченной законом». Соответственно этому и в своей языковой практике Пушкин не только расширял карамзинский, «жаргонный», «новый слог» до пределов «европейского языка» (выражение Шипова), но и дает своеобразный синтез «свободы» и «закона» — «свободу» и «старое слово».

Пушкинское требование дать языку «слово, соразмерное с его духом» было частным применением к языковой проблеме одного из основных тезисов общего либерального мировоззрения Пушкина 20-х годов, тезиса о «свободе, ограниченной законом». Соответственно этому и в своей языковой практике Пушкин не только расширял карамзинский, «жаргонный», «новый слог» до пределов «европейского языка» (выражение Шипова), но и дает своеобразный синтез «свободы» и «закона» — «свободу» и «старое слово».

Пушкинское требование дать языку «слово, соразмерное с его духом» было частным применением к языковой проблеме одного из основных тезисов общего либерального мировоззрения Пушкина 20-х годов, тезиса о «свободе, ограниченной законом». Соответственно этому и в своей языковой практике Пушкин не только расширял карамзинский, «жаргонный», «новый слог» до пределов «европейского языка» (выражение Шипова), но и дает своеобразный синтез «свободы» и «закона» — «свободу» и «старое слово».

Пушкинское требование дать языку «слово, соразмерное с его духом» было частным применением к языковой проблеме одного из основных тезисов общего либерального мировоззрения Пушкина 20-х годов, тезиса о «свободе, ограниченной законом». Соответственно этому и в своей языковой практике Пушкин не только расширял карамзинский, «жаргонный», «новый слог» до пределов «европейского языка» (выражение Шипова), но и дает своеобразный синтез «свободы» и «закона» — «свободу» и «старое слово».

В. А. ТРОПИНИН. Эскиз и портрету А. С. Пушкина. (Масло, Третьяковская галлерей).

18 томов в 3 года

ЛЕНИНГРАД (маш. нопр.). Недавно в «Литературной газете» сообщалось о плане и принципах нового академического издания полного собрания сочинений А. С. Пушкина, которое начнется в феврале 1937 г. — к столетию со дня смерти великого поэта.

Пушкина, и издание Пушкина, предпринятое Брокгаузом-Эфроном, также задуманное редактировавшим его проф. С. А. Венгеровым, как академическое, не были полными научными. Издание Брокгауза-Эфрона, воспоминание, продолжалось 9 лет (1907 — 1916) и осталось незаконченным после смерти С. А. Венгерова.

Как известно, подготовка к старому изданию академическому изданию была начата в 1889 г., а с 1899 г. по 1929 г., т. е. за тридцать лет было выпущено всего... шесть томов! Каким образом Академия наук СССР обеспечит выпуск 18 томов нового академического издания в три года — с этим вопросом корреспондент «Литературной газеты» обратился к члену редакционного комитета и заведующему редакцией академического издания, проф. Ю. Г. Оксману.

Новое академическое издание А. С. Пушкина осуществляется большим коллективом советских пушкинистов. Принципы редакции уже излагались в «Литературной газете». Необходимо добавить, что как подготовку к новому изданию следует рассматривать огромную работу Пушкинской Комиссии, организованную А. В. Луначарским и П. Е. Шегольевым, при ближайшем участии М. А. Павловского, Ю. Г. Оксмана и Б. В. Токарева. Плодом этой работы был шеститомный, изданный Государственным издательством (1929—1934) и впервые установивший канонический текст Пушкина. Однако не научного обоснования этого текста, ни вариантов, ни комментариев в шеститомнике не было дано, а результаты проведенного учета всех рукописей Пушкина, разработки архивов, изучения черновых рукописных текстов и т. д. в значительной своей части до сих пор не опубликованы. Сейчас же все эти материалы чрезвычайно облегчают работу над новым изданием Пушкина.

Старое издание Пушкина, — осуществилось единоличными редакторами. Вначале редакция была поручена акад. Майкову. Он проработал над ним 10 лет и выпустил только один том. После смерти акад. Майкова к работе над Пушкиным приступил В. Е. Якушкин. Но он также успел отредактировать лишь второй том и часть третьего. Работу В. Е. Якушкина продолжил П. О. Морозов, выпустивший третий и четвертый томы (в 1912 и 1916 гг.). После смерти П. О. Морозова вышли еще две книги: IX тома — под редакцией Н. К. Кокина и «История Пугачевского бунта» — под редакцией проф. Н. Н. Фирсова. При таких темпах редакционной работы и выходу каждого следующего тома редакция признавалась устаревшей.

К столетию со дня смерти поэта издание, предпринятое Академией наук СССР, должно быть закончено. Но для этого — разумеется — нужна твердая производственная дисциплина, как редакторов отдельных томов и произведений, так и издательских и полиграфических работников. Для этого необходимо последовательное взаимодействие разработки лопатки и выходу рукописей поэта. Таким образом и первое академическое издание

Основной методологической задачей старого издания было в том, что оно составлялось без учета и пренебрежения разработкой лопатки и выходу рукописей поэта. Таким образом и первое академическое издание

Основной методологической задачей старого издания было в том, что оно составлялось без учета и пренебрежения разработкой лопатки и выходу рукописей поэта. Таким образом и первое академическое издание

В пушкинскую эпоху мы находимся у самых истоков нашей новой литературной речи. Неудивительно поэтому, что языковые проблемы стояли в это время в центре всеобщего внимания. То или иное разрешение этих проблем — борьба за «старый и новый слог» — разделяла всю литературную общественность на два враждебных лагера.

В пушкинскую эпоху мы находимся у самых истоков нашей новой литературной речи. Неудивительно поэтому, что языковые проблемы стояли в это время в центре всеобщего внимания. То или иное разрешение этих проблем — борьба за «старый и новый слог» — разделяла всю литературную общественность на два враждебных лагера.

В пушкинскую эпоху мы находимся у самых истоков нашей новой литературной речи. Неудивительно поэтому, что языковые проблемы стояли в это время в центре всеобщего внимания. То или иное разрешение этих проблем — борьба за «старый и новый слог» — разделяла всю литературную общественность на два враждебных лагера.

В пушкинскую эпоху мы находимся у самых истоков нашей новой литературной речи. Неудивительно поэтому, что языковые проблемы стояли в это время в центре всеобщего внимания. То или иное разрешение этих проблем — борьба за «старый и новый слог» — разделяла всю литературную общественность на два враждебных лагера.

В пушкинскую эпоху мы находимся у самых истоков нашей новой литературной речи. Неудивительно поэтому, что языковые проблемы стояли в это время в центре всеобщего внимания. То или иное разрешение этих проблем — борьба за «старый и новый слог» — разделяла всю литературную общественность на два враждебных лагера.

В пушкинскую эпоху мы находимся у самых истоков нашей новой литературной речи. Неудивительно поэтому, что языковые проблемы стояли в это время в центре всеобщего внимания. То или иное разрешение этих проблем — борьба за «старый и новый слог» — разделяла всю литературную общественность на два враждебных лагера.

В пушкинскую эпоху мы находимся у самых истоков нашей новой литературной речи. Неудивительно поэтому, что языковые проблемы стояли в это время в центре всеобщего внимания. То или иное разрешение этих проблем — борьба за «старый и новый слог» — разделяла всю литературную общественность на два враждебных лагера.

В пушкинскую эпоху мы находимся у самых истоков нашей новой литературной речи. Неудивительно поэтому, что языковые проблемы стояли в это время в центре всеобщего внимания. То или иное разрешение этих проблем — борьба за «старый и новый слог» — разделяла всю литературную общественность на два враждебных лагера.

